

DOI: 10.31857/S086904990015733-8

## ТЕХНОЛОГИЯ ВОЙНЫ TECHNOLOGY OF WAR

Оригинальная статья / Original Article

### Специфика и акторы войны с использованием дронов

© Н.А. БАЛАКЛЕЕЦ

**Балаклеец Наталья Александровна**, Самарский государственный технический университет (Самара, Россия), [bnatalja@mail.ru](mailto:bnatalja@mail.ru)

В статье раскрываются особенности современных военных конфликтов, в которых используют беспилотные летательные аппараты (дроны). Автор прослеживает пути трансформации идентичности бойцов, которые участвуют в высокотехнологичных войнах. Если идентичность комбатантов конвенциональных войн можно описать с помощью структуры «убивающий-убиваемый», то постгероическое военное насилие с использованием дронов приводит к формированию расколотой идентичности с надежно защищенным от смертельных рисков и угроз комбатантом с одной стороны и с его беззащитной жертвой – с другой. Рассматриваются черты паноптического надзора, который осуществляют с помощью дронов. Показано, что современная война переходит в фазу беспрецедентного асимметричного противостояния, которое нельзя преодолеть исключительно техническими средствами.

**Ключевые слова:** война, дроны, постгероическое общество, паноптизм, асимметричный вооруженный конфликт, вооруженное насилие, идентичность бойца

**Цитирование:** Балаклеец Н.А. (2021) Специфика и акторы войны с использованием дронов // Общественные науки и современность. № 5. С. 116–128. DOI: 10.31857/S086904990015733-8

### Specifics and Actors of the Drone Warfare

© N. BALAKLEETS

**Natalia A. Balakleets**, Samara State Technical University (Samara, Russia), [bnatalja@mail.ru](mailto:bnatalja@mail.ru)

**Abstract.** The article reveals the features of modern military conflicts waged with the use of unmanned aerial vehicles (drones). The author traces the transformation of identity of fighters participating in high-tech wars. While the identity of combatants in conventional wars can be described with “killing-being killed” structure, post-heroic drone warfare leads to the formation of a split identity: on the one hand, a combatant reliably protected from mortal risks and threats, on the other hand – his defenseless victim.

The author also studies the features of panoptic surveillance carried out with the drones. It is shown that modern war is entering the phase of unprecedented asymmetric confrontation, which cannot be overcome solely by technical means.

**Keywords:** war, drones, post-heroic society, panoptism, asymmetric armed conflict, armed violence, fighter's identity

**Citation:** Balakleets N. (2021) Specifics and Actors of Drone Warfare. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 116–128. DOI: 10.31857/S086904990015733-8 (In Russ.)

Современные войны и вооруженные конфликты характеризуются неоднородностью задействованных в них участников и технических средств. Тем не менее, за данным многообразием обнаруживается четкая тенденция деантропологизации войн, которая проявляется в делегировании комбатантами своих функций «умному» оружию. Так называемые постгероические общества [Люмтвак 2012, 11-12], [Münkler 2007], [Мюнклер 2018, 156-192] отказываются от массового рекрутирования солдат на поля сражений и стремятся к решению политических конфликтов с помощью бескровных для себя (но не для своих противников) способов.

В рамках развития постгероической войны в повседневную боевую практику внедряют беспилотные летательные аппараты (дроны), которые провоцируют целый комплекс проблем – от сугубо технологических, которые связаны с трудностями разработки и эффективного использования нового вида оружия, до морально-этических, которые сопряжены с оценкой вооруженного насилия с использованием дронов через призму критериев справедливой войны.

Данная статья ставит перед собой цель исследовать особенности и перспективы военных действий с применением БПЛА, что предполагает их сравнение с традиционными технизированными войнами. Особое внимание уделяется раскрытию философско-антропологических, социальных и этических аспектов внедрения дронов в современную военную практику. В статье раскрывается, как использование дистанционно управляемого оружия трансформирует способы осуществления военной разведки и приемы ведения военных действий, а также разрушает традиционную идентичность бойцов.

### Идентичность бойца: убийца и убиваемый

Солдат на войне выступает в двух ипостасях: он одновременно убивающий и убиваемый. Выражаясь словами одного из армейских офицеров, эту мысль можно сформулировать так: «для солдата, который сражается в условиях классической войны, вопрос о том, убивает он или убивают его, поставлен неправильно. Ибо человек на фронте живет в длительном состоянии самообороны. Он убивает, и его убивают» [Kühne 2004, 45]. Если из солдатского *modus vivendi* будет исключена первая ипостась – убивающего – он станет беззащитной жертвой, лишенной возможности для самообороны. Если же исключить вторую ипостась, солдат превратится в циничного и беззастенчивого убийцу. Возможность и право убивать на войне санкционированы готовностью пожертвовать собственной жизнью.

Раскол двойственной идентичности бойца возможен, на взгляд автора, как в условиях самой войны (*in bello*), так и при выстраивании дискурса о войне (*ante bellum* или *post bellum*). В ситуации *in bello* идентичность бойцов расщепляется из-за крайней степени асимметрии воюющих сторон, которая обусловлена разным уровнем их технической оснащенности и боевой подготовки. В ситуациях *ante bellum* или *post bellum* создаются дискурсы о военных событиях, которые раскалывают двойственную идентичность бой-

цов. С одной стороны, данный раскол происходит при виктимизации комбатантов, когда акцент делают на их страданиях и насильственной смерти (подобная виктимизация, как будет показано далее, связана с героизацией воина, жертва которого добровольна). С другой стороны, двойственная идентичность бойца разрушается при демонизации солдат и военачальников враждебной или собственной армии и разоблачении героических мифов, которые некогда служили важнейшим ментальным источником и стимулом военной деятельности [Hüppauf 1993, 43]. Дегероизация и демифологизация войны (даже оборонительной) приводит к ее интерпретации как преступного деяния – в указанном случае конститутивными событиями нарративов о войне оказываются исключительно акты насилия и убийства, которые вершатся ее участниками. В данной связи уместно вспомнить о знаменитом антимилитаристском высказывании К. Тухольского «солдаты – убийцы», которое применяется ко всем комбатантам и вскрывает насильственный и преступный характер абсолютно любой войны [Kühne 2004, 16].

Героический дискурс, который выстраивают, как правило, после смерти воина, делает акцент на его роли жертвы – человека, добровольно положившего свою жизнь на алтарь Отечества. Одновременно за скобки выносят те ситуации, в которых героизируемый солдат выступал в роли убийцы, возможно, нанося немало кровавых ударов противнику, и становился виновником многочисленных страданий не только вражеских комбатантов, но и гражданского населения противоборствующего государства. Для воюющего солдата смерть и страдания собственных товарищей по армии приобретают драматический оттенок и романтический ореол, тогда как страдания врага расценивают как морально оправданные, вызывающие чувство удовлетворения, или же вовсе игнорируют. Тем самым «человечность» как качество солдата, которое включает в себя восприимчивость к страданиям, боли, душевным переживаниям, закрепляется за товарищами по армии. Враг, напротив, обезчеловечивается. Такое обезчеловечивание наиболее свойственно технизированной войне, когда противник становится, по выражению Э. Юнгера, «невидимым врагом», роль которого зачастую сводится к управлению военной техникой и дистанционному ведению боя.

Как отмечает Н.А. Бердяев: «Враг есть существо, наиболее превращенное в объект, т.е. наиболее разобщенное. Воевать только и можно с объектом, с субъектом нельзя воевать» [Бердяев 1952, 136]. Развивая данную мысль, отметим, что объектом враг на войне выступает в двух аспектах. Во-первых, превращение врага в объект происходит в результате действия психологической установки солдата, которая предполагает взращивание в себе чувства превосходства, безжалостности или ненависти к своему противнику. Подобная субъективная установка по отношению к противнику, связанная с его обезчеловечением, направлена на то, чтобы видеть в нем исключительно мишень для убийства и потенциального убийцу, отсекая все остальные предикаты. Реалии войны требуют от ее участников преодолевать нормы гражданской морали, которая налагает запрет на убийство. То, что порицается в гражданском обществе, в сообществе военных становится императивом: «очень сложное искусство войны есть все-таки искусство убивать» [Бердяев 1952, 127]. Во-вторых, превращению врага в объект способствует военная техника, которая, увеличивая дистанцию между противниками на поле боя, затрудняет или делает невозможной коммуникацию между ними. Тем самым враг, явленный опосредованно, через окуляры современных «машин зрения» (П. Вирильо) или компьютерный монитор, обезчеловечивается, лишаясь права на дискурс. Он становится объектом, который может быть визуализирован, но он не доступен для непосредственной коммуникации, а следовательно, лишен возможности проявления человеческой индивидуальности.

Тем не менее, даже технизированная война дает примеры того, как враг в глазах отдельного бойца становится субъектом и даже наделяется человеческими добродетелями – их можно почерпнуть из материалов военной микроистории, повествований о военных событиях, которые оставили их непосредственные участники. Субъективный опыт

участников войны демонстрирует амбивалентное отношение к врагу, который в отдельных случаях способен вызвать уважение или сострадание. Так, в своей знаменитой книге «В стальных грозах» Э. Юнгер, повествуя о схватках немецких участников Первой мировой войны с английскими бойцами, не отказывает последним в воинской доблести: «И здесь, как и всюду, где мы сталкивались с англичанами, нам было отрадно видеть столь безупречное мужество» [Юнгер 2000, 160]. «Очеловечиванию» врага может способствовать и его беззащитность, неспособность к сопротивлению в силу ранения. Солдат вражеской армии, умоляющий о пощаде – даже не словом, а жестом – останавливает готовящееся кровопролитие: «С жалобным стоном он залез в карман и поднес к моим глазам фотокарточку. Это был его портрет в кругу многочисленной семьи, как некое заклинание из ушедшего, невероятно далекого мира. Каким-то образом мне удалось обуздать свою безумную ярость и пройти дальше» [Юнгер 2000, 273].

В условиях затяжной конвенциональной войны возможны ситуации перемирия, когда солдаты по собственной инициативе, не дожидаясь приказа «сверху», договариваются о краткосрочном прекращении огня, возвращаясь к привычным для мирного времени социальным практикам. К таким событиям, которые разрушают идентичность врага как подлежащего уничтожению объекта, относится знаменитое Рождественское перемирие, заключенное в 1914 г. на многих участках Западного фронта: «Личные встречи британских и немецких комбатантов в рождественские дни 1914 г. сформировали более живой и гуманистический облик неприятеля в противовес образу абстрактного врага, находящегося по ту сторону линии фронта» [Оболонкова 2010, 11].

Таким образом, в условиях традиционной войны, когда возможно непосредственное столкновение и взаимодействие с врагом, последний воспринимается как лишенный множества антропологических предикатов объект, но все же в определенных ситуациях – когда он проявляет воинскую доблесть, стойкость, мужество или, напротив, обезоружен, повержен, умоляет о пощаде – сохраняет за собой возможность быть человеком.

Последующая эволюция войны, которая привела к масштабным пространственным и коммуникационным разрывам между противоборствующими сторонами, максимальному отдалению их друг от друга, не могла не отразиться и на идентичности комбатантов «постгероических» войн. Логика дальнейшего анализа требует определить специфику деятельности пилотов, которые управляют БПЛА, и исследования их идентичности (с использованием такого концептуального средства анализа, как введенный выше антропологический конструкт «убивающий – убиваемый»). Тем самым будет дан ответ на вопрос, можно ли назвать вооруженные конфликты с использованием дронов последовательной ступенью в развитии технизированной войны, или же их следует трактовать как принципиально новую страницу в истории войн.

### **Война дронов: убийцы и жертвы деантропологизированного насилия**

Человечество уже на протяжении не одного столетия решает целый комплекс проблем, связанных с преодолением разнообразных «трений» (термин К. фон Клаузевица), вызванных антропологическими ограничителями военной деятельности. К ним относятся когнитивные, эмоциональные, моральные и физические барьеры, которые постоянно преодолевают комбатанты на войне. Возникает интеллектуальный соблазн трактовать военные действия с использованием беспилотных летательных аппаратов как очередную ступень на пути технизации и деантропологизации войн. Вместе с тем, как будет показано ниже, боевые дроны и дроны-разведчики, которые сегодня активно применяют в военных целях – не просто очередной инструмент, созданный для повышения эффективности военной деятельности. Использование беспилотных летательных аппаратов принципиально меняет парадигму войны, трансформирует специфику деятельности и идентичность ее акторов,

и, более того, ставит под сомнение правомерность применения самого термина «война» по отношению к вершимому ими насилию.

Наиболее распространенными сегодня моделями дронов, которыми укомплектованы вооруженные силы США (Predator и Reaper), управляют с двух наземных станций: с базы ВВС Крич в штате Невада и из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. Оба центра управления удалены на тысячи километров от мест их непосредственного использования (например, от территории Пакистана или Афганистана) [Trogemann 2014, 60]. Деятельность операторов БПЛА подчинена необходимости строгого соблюдения военной дисциплины, аналогичной кодексу поведения летчика-истребителя. Пилотов, которые обслуживают полет дрона, объединяют в мини-команды по два человека. Они находятся в диспетчерских, оснащенных мониторами. Один из пилотов управляет дроном и производит выстрелы, тогда как его напарник контролирует поле зрения камеры и другие сенсорные устройства. Операторы постоянно поддерживают радиосвязь со своим операционным центром [Trogemann 2014, 61]. Вместе с тем следует выделить и принципиальные отличия условий, в которых операторы БПЛА осуществляют свою деятельность, а также самой специфики данной деятельности от способа ведения традиционных войн.

В условиях классической войны воюющие стороны находились в едином физическом пространстве, охваченном военными действиями, граница которого (нейтральная полоса) постоянно смещалась. При дистанционных военных действиях происходит иное разграничение «своей» и «чужой» пространственных сфер, первая из которых (локализующая инструменты атак) скрыта от врага и защищена от его ответных ударов. Беспрецедентная пространственная удаленность комбатантов от объектов их атак служит условием безопасности операторов дронов. Исключаются ситуации непосредственного столкновения с врагом и возможность симметричного ответа с его стороны. Атакующий имеет дело не напрямую с атакуемым (они находятся в разных пространственных сферах), но с его цифровой оболочкой – изображением, которое транслируют на монитор видеосистемы беспилотников. Таким образом, две стороны военных действий, разделенные в физическом пространстве, совмещаются в пространстве виртуальном, где они занимают различные позиции: с одной стороны – субъект-наблюдатель, недоступный для наблюдения и анонимный для жертвы, с другой – наблюдаемый им цифровой объект, лишенный всякой возможности утвердиться в качестве субъекта.

Вооруженное насилие, которое применяют дистанционно с использованием беспилотных летательных аппаратов, отменяет необходимость смертельного риска для его агентов. В подобных условиях расщепляется двойственная идентичность бойца (убивающий-убиваемый), которую применяют по отношению к комбатантам классических войн. Пилот, управляющий дроном, не может быть лишен жизни. В данной особенности заключается его принципиальное отличие от комбатантов всех предшествующих войн. Лишь при условии непосредственного взаимодействия с противником в единой области физического пространства возможен бой как «подлинная военная деятельность» [Клаuzeвиц 1994, 255], важнейший элемент войны, составляющий ее сущность. Еще одним отличием вооруженного насилия с использованием дронов можно назвать стремление его агентов исключить риск не только для собственной жизни, но и избежать непредвиденных жертв – живые мишени для ударов беспилотников определяют заранее, за ними устанавливают видеонаблюдение, которое может длиться неделями [Шамаю 2020, 132]. В условиях традиционной технизированной войны насилие имеет массовый характер, жертвы его зачастую непредсказуемы и возможны ситуации, когда «никто не целится, каждый квадратный метр земли планомерно обрабатывается гранатами» [Юнгер 2008, 42–43], в то время как использование дронов делает убийство не только односторонним, но и прицельным, направленным не на анонимного, но на определенного врага.

Появление дронов не просто изменило способ организации военной деятельности комбатантов, речь идет о трансформации их *modus vivendi* как такового. Принципиальным изменениям подвергается не только пространственный, но и временной аспект военной деятельности. Если традиционно в жизни солдата можно четко выявить мирные и военные временные модусы, то для оператора БПЛА стирается граница между военным и мирным временем. Управление полетами производится круглосуточно, в три восьмичасовые смены. Военная деятельность оператора дрона встраивается в структуру его жизненного мира, поскольку непосредственно после дистанционного выслеживания жертв и совершения убийств он возвращается домой, к привычному кругу близких людей и повседневных дел. Вот как описывает свой рабочий день майор ВВС США, который управляет полетами дронов: «Утром ты едешь на машине с попутчиками или на автобусе на работу и после восьми часов полета возвращаешься обратно домой... Утром я читаю свою электронную почту, мчусь к самолету. Когда я закончил, иду в магазин, беру гамбургер, читаю еще несколько писем и еду домой» (цитата по [Trogemann 2014, 61]).

Комбатанты, которые с оружием в руках защищали честь своего государства и были готовы отдать за него жизнь, уступают место дистанционным бойцам «постгероической» войны, действия которых, несмотря на внешнюю строгую регламентацию и подчиненность воинской дисциплине, разворачиваются на экране компьютерного монитора и напоминают реализацию сценария компьютерной игры. «Дрон превращает своего оператора из солдата в офисного работника или “desk jockey warrior” (букв. – воин рабочего стола, в данном случае – аналогия с диск-жокеем), как его называет австралийский философ Роберт Спэрроу» [Куманьков 2020, 256]. По сути, участие в военных действиях с использованием дронов становится разновидностью работы, которая не требует от исполнителей не только проявления самоотверженности и воинской доблести, но и разрыва с мирным временным модусом и повседневными социальными практиками.

В связи с данной особенностью закономерным представляется вопрос о допустимости героизации операторов БПЛА и уравнивании их в статусе с участниками традиционных войн. Как было показано выше, в основе идентичности бойца лежит двойственная структура «убийца-убиваемый», которая неприменима к пилотам, управляющим дронами. Поскольку ипостась убиваемого здесь полностью исключена, попытки морального оправдания дистанционных таргетированных убийств с использованием дронов основаны на виктимизации их агентов. Многочисленные публикации в американских СМИ о «психологических травмах», от которых страдают операторы БПЛА, призваны в определенной степени уравнивать в статусе дистанционных бойцов с участниками традиционных войн: «Раньше демонстрация психических травм солдат использовалась для протеста против их насильственной мобилизации государством, сегодня же она используется, чтобы придать новой форме одностороннего насилия героическую окраску, которой оно было лишено» [Шамаю 2020, 118].

Таким образом, нарративы, которые легитимизируют насилие с применением дронов, конструируют «жертвенную» идентичность их пилотов. Данная специфика, безусловно, не отождествляет их с классическими комбатантами, но в некоторой степени приближает к ипостаси «убиваемого» – неотъемлемому элементу идентичности комбатанта. Критика дистанционного насилия, напротив, предполагает расщепление идентичности участников подобных конфликтов. Антропологическая структура «убивающий-убиваемый» разрушается, на смену ей приходит фрагментарная идентичность: убийца и преследуемая им жертва.

Одновременно редукция возможностей такого многофункционального технического объекта, как беспилотный летательный аппарат исключительно к его использованию в качестве средства уничтожения сил неприятеля привела бы к значительному упрощению реалий современной войны. Далее мы сосредоточимся на исследовании еще одной



функции дронов, которая позволяет им служить высокоэффективным инструментом ведения военных действий. Речь идет об использовании беспилотников в качестве средств военной разведки, которое открывает новую страницу в истории паноптического надзора и развитии средств визуализации военных объектов.

### Паноптизм дронов: «надзирать и уничтожать»

Цезарю принадлежит высказывание: «В каждом сражении первым побеждает глаз...» (цит. по: [Хаусхофер 2003, 308]). Одна из важнейших задач военной разведки – осуществить максимально полное и точное наблюдение за перемещением и действиями врага, при этом сохраняя секретность собственных данных. Используя достижения научно-технического прогресса, человечество выработало высокоэффективные способы выполнения указанной задачи, трансформировав естественный человеческий орган зрения в целую систему высокотехнологичных оптических приборов. За полтора столетия активного использования аэрофотосъемки в военных целях технологии претерпели эволюцию от аэрофотографий с воздушного шара, сделанных Надаром во время прусской осады Парижа в 1870 г., до современных систем видеоразведки. Так, система видеонаблюдения беспилотного летательного аппарата MQ-9 Reaper, который состоит на службе ВВС США, позволяет с высоты полета 3,2 км различить номерные знаки автомобилей. Весьма показательным можно считать мифологическое название этой высокотехнологичной системы – «взгляд Горгоны» (Gorgon Stare). С помощью широкоохватной технологии Gorgon Stare аппарат способен зафиксировать подвижное изображение целого города, которое может стать объектом анализа экспертных групп и систем искусственного интеллекта. Родственной ей можно назвать систему видеонаблюдения Argus IS, которая включает в себя более сотни камер. Она названа в честь всевидящего великана из древнегреческой мифологии, который также именуется Паноптом (*panóptes*) [Bröckling 2016, 293-294], [Maurer 2017, 143-144].

Возможности системы Gorgon Stare по сбору потоков высокоточной видеoinформации в режиме реального времени и ее связь с так называемым театром военных действий, безусловно, превосходят границы привычного для нас пространства и времени. По признанию одного из пилотов: «Иногда я чувствовал себя подобно Богу, метаящему молнии с небес» [Maurer 2017, 144]. Вполне правомерной представляется аналогия с «всевидящим оком», принцип которого заложен в пространственной модели паноптика.

Паноптизм дрона как инструмента военного и полицейского наблюдения представляет собой современную модификацию пространственной модели паноптика, которая первоначально была разработана И. Бентамом и получила известность благодаря исследованиям М. Фуко [Фуко 1999]. Классический паноптикон определяют как архитектурную модель, которая позволяет вести централизованный надзор за множеством изолированных индивидов. Несмотря на успешное использование принципов паноптизма в организации социального пространства различных дисциплинарных учреждений, (пенитенциарные и образовательные заведения, клиники и т.д.), исследователи неоднократно обращали внимание на ограниченность классического паноптика, который не может претендовать на статус универсального средства надзора и осуществления власти [Бауман 2008, 16-18], [Жоусе 2003, 147-148]. Паноптикон привязан к определенному участку физического пространства. Это локальная, статичная и затратная модель, которая требует строительства специальных сооружений для изоляции индивидов и надзора за ними. Ограничения классического паноптика как инструмента политического контроля преодолеваются за счет его децентрализации (тем самым происходит умножение наблюдателей/перспектив наблюдения), децентрализации и динамизации. Постпаноптический надзор становится децентрированным, подвижным, гораздо более эффективным и экономически целесо-

образным, чем классический паноптизм дисциплинарных обществ [Балаклеец 2018]. Децентрализации наблюдения в пределах архитектурного пространства городов можно достичь за счет использования многочисленных видеокамер, окуляры которых буквально пронизывают траектории перемещения горожан.

Дроны-разведчики не только позволяют проводить одновременное высокоточное наблюдение за множеством индивидов, но и делокализовать его, освободив от привязки к определенной, строго ограниченной территории: «мы вступаем в эпоху вооруженных и летающих паноптических устройств. Что касается взгляда Горгоны, то она обращает в камень того, кто имел несчастье с ним пересечься. Это взгляд, который убивает. Больше не «надзирать и наказывать», а надзирать и уничтожать» [Шамаю 2020, 53].

В терминологии З. Баумана дроны выступают инструментом так называемого «текучего» или «жидкого» надзора в противоположность «твердому» паноптизму, описанному Фуко. Бауман обращает внимание на миниатюризацию разрабатываемой сегодня военной техники и подчеркивает, что дроны последнего поколения (по крайней мере дроны-разведчики) по своим размерам не будут превышать размеры стрекозы или колибри и вполне смогут приземлиться на подоконнике. Кроме того, как отмечает социолог, «дроны следующего поколения будут невидимы, в то время как все их окружение будет доступно для наблюдения. Они будут неприкасаемыми, в то время как все объекты в их окружении будут открыты для атак» [Bauman, Lyon 2013, 33]. Постгероическая война, согласно прогнозам Баумана, станет максимально незаметной, по крайней мере для той нации, от имени которой она ведется. Новые «улучшенные» дроны будут способны к автономному управлению, саморегулированию, самостоятельному выбору целей своих атак.

Вместе с тем, несмотря четко очерченные горизонты эволюции технических систем наблюдения и контроля, следует указать и на ряд задач, которые необходимо решить для создания максимально эффективных систем паноптического надзора с использованием дронов. «Текущий» всепроникающий паноптизм на сегодняшний день представляется сверхзадачей будущего: наряду с миниатюризацией беспилотных летательных аппаратов важной задачей для разработчиков военной техники можно назвать увеличение скорости передвижения дронов, которое позволит преодолеть существующие ныне границы их использования в военных целях [Frau 2013, 99]. Еще один побочный эффект военной деятельности с использованием беспилотного оружия связан с тем, что боевые дроны отличаются выраженными и резкими акустическими характеристиками, которые меняются в зависимости от режима полета, скорости передвижения и нагрузки летательного аппарата, силы ветра и ряда других параметров. Используемые в мирных целях беспилотные летательные аппараты также вызывают разнообразные акустические помехи. Проведенное в 2017 г. психоакустическое исследование показало, что шум от малых беспилотных летательных систем причиняет респондентам гораздо больше неудобств, чем автомобильные шумы [Christian, Cabelly 2017, 15-16].

Совершенный инструмент паноптического надзора должен выделяться на фоне остальных объектов своей анонимностью – обладать не только невидимым, но и неслышимым характером. Таким образом, только миниатюрный, подвижный и бесшумный дрон-разведчик, разработка которого считается пока еще не реализованной сверхзадачей, сможет выступать в качестве средства современного анонимного наблюдения, свободного от недостатков и ограничений существующих паноптических моделей.

Рассмотрев особенности трансформации военной деятельности, обусловленные использованием дронов, возможности и перспективы данного вида оружия и средства разведки, включим его в более широкий социокультурный и исторический контекст исследования, чтобы очертить и оценить векторы дальнейшей эволюции высокотехнологичного вооруженного насилия. Военные действия с использованием беспилотных летательных аппаратов на сегодняшний день, безусловно, нельзя назвать универсальным способом



ведения войны из-за массы территориальных и технологических ограничений. Тем не менее, их можно расценивать как дерзкий вызов тем политическим акторам, которые не в состоянии дать адекватный военно-технологический ответ. Необходимо прояснить, способствует ли прогресс в области военных технологий «гуманизации» войны или же он служит катализатором новых видов и форм вооруженного противостояния.

### **Возможна ли симметризация асимметричного насилия: перспективы высокотехнологичной войны**

Стремление максимально обезопасить себя и нанести как можно больший ущерб врагу на протяжении всей истории приводило к нарушению этоса честного поединка. Как отмечает исследователь военного героизма У. Бреклинг, «последнее, чего желают солдаты на поле боя, – это честный поединок. Они хотят выжить, не получив при этом ранений, не попасть в плен, возможно, захватить добычу, отомстить, вывести из строя или попросту убить своих противников, а потому они будут делать все, чтобы в любом случае быть сильнейшими» [Bröckling 2016, 296]. Лишь в теории войну можно трактовать как подобие дуэли, в которой сходятся два равных или сопоставимых по силе и оружию противника: «История военного оружия может рассматриваться как сплошная попытка асимметризации симметричной конфронтации сторон путем достижения технического превосходства, чему противодействуют все новые и новые попытки ресимметризации, которые дают импульс очередным усилиям по достижению асимметрии и т.д.» [Bröckling 2016, 296]. Приведенная цитата характеризует динамику военного противостояния двух акторов, каждый из которых обладает необходимым потенциалом и ресурсами для того, чтобы дать пропорциональный ответ на технологический вызов со стороны своего противника. Действительно, появление новых видов оружия в арсенале армии отдельного государства заставляет других политических акторов, которые обладают научно-техническим и индустриальным потенциалом, сглаживать военно-технические разрывы, давать соответствующий ответ на вызов противника. Ресимметризация в сфере военного вооружения возможна только в том случае, если в гонке вооружений участвуют сопоставимые по своим технологическим возможностям акторы. В ситуации отсутствия достойного противника вкладывать ценные человеческие ресурсы и гигантские средства в гонку лишено смысла. К примеру, в симметричных внутриевропейских конфликтах или в военно-технологическом противостоянии СССР и США периода холодной войны участвовали сопоставимые по военно-технической мощи государства. В подобных условиях постоянное нарушение симметрии (асимметризация) в сфере вооружения приводит к ресимметризации. Тем не менее выводы, сделанные применительно к истории военного оружия, некорректно распространять в целом на военную историю. Трактовку военной истории как потенциально бесконечного соревнования сторон по обретению асимметричной позиции через военно-техническое превосходство (как и сравнение войны с дуэлью) можно назвать если не европоцентричной, то, по меньшей мере, далеко не универсальной исследовательской позицией. За скобки здесь выносятся те виды вооруженных конфликтов, когда одна из сторон лишена всякой возможности внести в поединок асимметрию за счет наращивания военно-технической мощи.

В истории войн можно обнаружить различные сценарии асимметричного противостояния, которое не могло быть преодолено, сглажено или симметризировано. К таким асимметричным конфликтам могут быть отнесены военные действия представителей западноевропейских государств против неевропейцев без государственности. По свидетельству М. ван Кревельда, «европейские войска вели себя так, как будто они были не на войне, а на сафари. Они истребляли местных жителей, как животных, не делая различия между вождями, воинами, женщинами и детьми» [Кревельд 2015, 72].

В основе асимметричного вооруженного конфликта лежат не только технологические, но и культурно-идеологические факторы. Техническое превосходство служит лишь средством подавления противника, который проявляет инаковость в культурном отношении. Изошренная жестокость при ведении войны можно связывать с культурной отсталостью народов, что служит способом легитимации чинимого против них высокотехнологичного насилия. В данной связи приведем сентенцию Й. Хейзинги, который в работе «Тени завтрашнего дня» отмечает следующее: «в мои юные годы можно было прочесть в школьном учебнике географии, что только некоторые наименее развитые народы применяли отравленные стрелы и что подобный обычай мало-помалу исчезает с ростом культуры. Не знаю, осталось ли это еще в школьных учебниках. Если да, то самое время, ради приличия, пересмотреть... учебники – либо самих себя» [Хейзинга 2010, 99].

В условиях, когда у соперника отсутствует достаточная военно-техническая мощь и ресурсы для симметризации вооруженного противостояния, война становится жестокой расправой над недифференцированными массами людей, односторонней и грубой демонстрацией силы. Такова специфика колониальных войн, в которых тщательно вооруженным и экипированным европейским завоевателям противостояли аборигены с копьями или примитивными ружьями.

В современную эпоху, когда стихло открытое вооруженное противостояние ведущих государств мира, вооруженное насилие переместилось на территорию неевропейских государств. Таким образом, в значительной степени усиливается асимметрия акторов нынешних войн, которая не может быть преодолена военно-техническими средствами. Данная асимметрия, безусловно, выгодна лидерам научно-технического прогресса, однако в долгосрочной перспективе она не сулит человечеству радикального и окончательного решения назревших политических противоречий. Отсутствие военно-технических инструментов для подавления атак БПЛА еще не означает, что соответствующие акторы смирятся с подобным положением дел. Их ответы на технологические вызовы противника будут непредсказуемыми и не укладывающимися в рамки конвенционального ведения войны.

Военные действия с помощью боевых дронов нельзя назвать просто очередным шагом на пути асимметризации военно-политических конфликтов. Согласно свидетельствам Г. Шамаю, речь идет о принципиальном изменении правил войны. Парадигма, которая предполагает противостояние двух бойцов, сменилась другой: атакующий охотник и добыча, которая убегает или прячется от него [Шамаю 2020, 42]. Традиционное военное противостояние предполагало непосредственную схватку противников, из которой один выходил победителем, а другой – побежденным, причем исход этой схватки (как и финальные роли ее участников) заранее не мог быть предreshен. Охота на человека основана на иной стратегии акторов, роли которых изначально определены: беглец стремится скрыться, избежав конфронтации, тогда как его преследователю для достижения успеха необходима такая конфронтация (правда, технически опосредованная). С одной стороны, в игру вступает охотник, знаки присутствия которого деперсонализированы, с другой стороны – его заранее намеченная потенциальная жертва, которой сложно сохранить анонимный статус. Таким образом, война с использованием дронов становится «превентивной охотой на людей» [Bröckling 2016, 297].

Показательно, что в 2004 г. американец Дж. Локвуд разработал коммерческий проект виртуальной охоты на животных. Желаящим за небольшую плату предлагали стать «виртуальным охотником», не выходя из дома. Пользуясь видеокамерой, которая была закреплена на передвижном огнестрельном оружии, участник мог выслеживать и уничтожать животных, которых специально для этой цели отловили, связали и поместили на тещасском ранчо. Проект Локвуда встретил резкое негодование со стороны общественности

и не был реализован [Шамаю 2020, 39–40]. Вместе с тем дистанционное преследование и уничтожение людей, которое противоречит классическим принципам справедливой войны, не встречает широкомасштабных протестов.

\* \* \*

Изобретение нового технического орудия ведения боевых действий не только не приближает человечество к желанному состоянию мира и безопасности, но, напротив, способствует эскалации насилия. Война становится изматывающей гонкой, участники которой втягивают друг друга в соревнование, заведомо лишённое победителей, а время войны растягивается *ad infinitum*. Любое средство ведения военных действий, каким бы эффективным оно ни было, заставляет противника разрабатывать антисредство. Со стороны высокотехнологичных акторов войны данное антисредство воплощается в более сложных технических объектах, действие которых существенно снижает эффективность оружия, уже успевшего стать устаревшим. Дронам могут противостоять антидроновые системы, которые обнаруживают и уничтожают беспилотные летательные аппараты. Со стороны же тех участников военных действий, которые не обладают необходимой военно-технической мощью для противостояния постгероическим Голиафам, ответное насилие может принимать непредсказуемые и неуправляемые формы. Реакция на несправедливые принципы ведения постгероической войны способна аннулировать исходные цели и промежуточные результаты этой войны. Террористические акты как возмездие, которое исходит от технологически слабых акторов политического противостояния, служат подобным асимметричным ответом на атаки дронов. В результате вооружённое насилие набирает новые обороты, обнаруживая стремление к полноте и всеохватности своего воплощения – будь то технологически сложные формы ведения военных операций или всплески примитивной агрессии, которые исходят от иррегулярных акторов военных конфликтов современности.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балаклеец Н.А. (2018) Зрение и власть: пространство за границами паноптикона // *Философия и культура*. № 9. С. 46–58.
- Бауман З. (2008) *Текущая современность*. СПб.: Питер.
- Бердяев Н.А. (1952) *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого*. П.: YMCA-press.
- Клаузевиц К. (1994) *О войне*. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука».
- Кревельд М. ван. (2015) *Трансформация войны*. М.: ИРИСЭН, Социум.
- Куманьков А.Д. (2020) *Война в XXI веке*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Люттвак Э. (2012) *Стратегия: Логика войны и мира*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
- Мюнклер Г. (2018) *Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках*. М.: Кучково поле.
- Оболонкова М.А. (2010) Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: Рождественское перемирие 1914 года // *Вестник Пермского университета. Серия История*. № 1 (13). С. 8–14.
- Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.
- Хаусхофер К. (2003) *Границы в их географическом и политическом значении* // *Классика геополитики, XX век*. М.: АСТ. С. 227–598.
- Хейзинга Й. (2010) *Тени завтрашнего дня* // *Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемнённый мир*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. С. 15–170.
- Шамаю Г. (2020) *Теория дрона*. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».

- Юнгер Э. (2000) В стальных грозах. СПб.: Владимир Даль.
- Юнгер Э. (2008) Националистическая революция: политические статьи, 1923-1933. М.: Скимень.
- Bauman Z., Lyon D. (2013) *Daten, Drohnen, Disziplin. Ein Gespräch über flüchtige Überwachung*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Bröckling U. (2016) *Drohnen und Helden // Helden – Heroisierungen – Heroismen. Bd. 4. Vom Weihegefäß zur Drohne. Kulturen des Heroischen und ihre Objekte*. Würzburg: Ergon-Verlag GmbH. S. 291–301.
- Christian A., Cabelly R. (2017). *Initial Investigation into the Psychoacoustic Properties of Small Unmanned Aerial System Noise*. Hampton: NASA Langley Research Center.
- Frau R. (2013) *Der Einsatz von Drohnen. Eine völkerrechtliche Betrachtung // Vereinte Nationen: German Review on the United Nations. Vol. 61. № 3. P. 99–103.*
- Hüppauf B. (1993) *Schlachtenmythen und die Konstruktion des «Neuen Menschen» // Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch... Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs*. Essen: Klartext. S. 43–84.
- Joyce P. (2003) *The Rule of Freedom. Liberalism and the Modern City*. London, New York: Verso.
- Kühne Th. (2004) *Massen-Töten. Diskurse und Praktiken der kriegerischen und genozidalen Gewalt im 20. Jahrhundert // Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert*. Essen: Klartext. S. 11–52.
- Maurer K. (2017) *Visual Power: The Scopic Regime of Military Drone Operations // Media, War & Conflict. Vol. 10. № 2. P. 141–151.*
- Münkler H. (2007) *Heroische und postheroische Gesellschaften // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. Bd. 61, H. 8/9. S. 742–752.*
- Trogemann G. (2014) *Der Blick der Drohne // Archäologie der Zukunft. Friedrichshafen: Zeppelin Museum Friedrichshafen. S. 47–71.*

## REFERENCES

- Balakleets N.A. (2018) *Zrenie i vlast': prostranstvo za granicami panoptikona [Vision and Power: the Space beyond the Borders of the Panopticon]* In: *Filosofiya i kul'tura*. no. 9, pp. 46–58.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]*. Saint-Petersburg: Piter.
- Bauman Z., Lyon D. (2013) *Daten, Drohnen, Disziplin. Ein Gespräch über flüchtige Überwachung [Liquid Surveillance: A Conversation]*. Frankfurt am Mein: Suhrkamp.
- Berdyayev N.A. (1952) *Ekzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [The Existential Dialectic of the Divine and the Human]*. Paris: YMCA-press.
- Bröckling U. (2016) *Drohnen und Helden [Drones and Heroes]*. In: *Helden – Heroisierungen – Heroismen. Bd. 4. Vom Weihegefäß zur Drohne. Kulturen des Heroischen und ihre Objekte*. Würzburg: Ergon-Verlag GmbH. pp. 291–301.
- Chamayou G. (2020) *Teoriya drona [A theory of the Drone]*. Moscow: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh».
- Christian A., Cabelly R. (2017). *Initial Investigation into the Psychoacoustic Properties of Small Unmanned Aerial System Noise*. Hampton: NASA Langley Research Center.
- Clauzewitz C. (1994) *O vojne [On War]*. Moscow: Izdatel'skaya korporaciya «Logos»; Mezhdunarodnaya akademicheskaya izdatel'skaya kompaniya «Nauka».
- Creveld M. van. (2015) *Transformaciya vojny [The Transformation of War]*. Moscow: IRISEN, Socium.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]*. Moscow: Ad Marginem.
- Frau R. (2013) *Der Einsatz von Drohnen. Eine völkerrechtliche Betrachtung [The Use of Drones. An International Law Perspective]*. In: *Vereinte Nationen: German Review on the United Nations*. vol. 61. no. 3, pp. 99–103.
- Haushofer K. (2003) *Granicy v ih geograficheskom i politicheskom znachenii [Boundaries in their Geographical and Political Significance]*. *Klassika geopolitiki, XX vek*. Moscow: AST. pp. 227–598.
- Huizinga J. (2010) *Teni zavtrashnego dnya [In the shadow of tomorrow]*. In: *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir*. Saint-Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha. pp. 15–170.
- Hüppauf B. (1993) *Schlachtenmythen und die Konstruktion des «Neuen Menschen» [Battle Myths and the Construction of the «New Man»]*. In: *Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch... Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs*. Essen: Klartext. pp. 43–84.
- Joyce P. (2003) *The Rule of Freedom. Liberalism and the Modern City*. London, New York: Verso.

- Jünger E. (2000) *V stal'nyh grozakh* [Storm of Steel]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'.
- Jünger E. (2008) *Nacionalisticheskaya revolyuciya: politicheskie stat'i, 1923-1933* [Nationalist Revolution: Political Articles, 1923-1933]. Moscow: Skimen.
- Kühne Th. (2004) Massen-Töten. Diskurse und Praktiken der kriegerischen und genozidalen Gewalt im 20. Jahrhundert [Mass killing. Discourses and practices of martial and genocidal violence in the 20th Century]. In: *Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert*. Essen: Klartext. pp. 11–52.
- Kuman'kov A.D. (2020) *Vojna v XXI veke* [The War in the 21st Century]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki.
- Luttwak E. (2012) *Strategiya: Logika vojny i mira* [Strategy: the Logic of War and Peace]. Moscow: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke.
- Maurer K. (2017) Visual Power: The Scopic Regime of Military Drone Operations. In: *Media, War & Conflict*. vol. 10. no. 2, pp. 141–151.
- Münkler H. (2007) Heroische und postheroische Gesellschaften [Heroic and Post-Heroic Societies]. In: *Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken*. Bd. 61, H. 8/9. pp.742–752.
- Münkler H. (2018) *Oskolki vojny: Evolyuciya nasiliya v XX i XXI vekah* [Shards of War. The Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Obolonkova M.A. (2010) Epizod istorii Velikoj vojny kak element istoricheskoy pamyati evropejcev: Rozhdestvenskoe peremirje 1914 goda [Episode of the History of the Great War as an Element of the Historical Memory of Europeans: the Christmas Truce of 1914]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istorija*. no. 1 (13), pp. 8–14.
- Trogemann G. (2014) Der Blick der Drohne [The look of the drone] In: *Archäologie der Zukunft*. Friedrichshafen: Zeppelin Museum Friedrichshafen. S. 47–71.

### Информация об авторе

**Балаклеец Наталья Александровна**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета. Адрес: ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара, 443100. E-mail: bnatalja@mail.ru

### About the author

**Natalia A. Balakleets**, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University. Address: 443100, Samara, Molodogvardeyskaya Street, 244. E-mail: bnatalja@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.06.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 28.09.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 05.10.2021